

duce distance between speakers, weakened control on speech using vernacular vocabulary, jargon and violation of semantic links between syntactic units.

Keywords: speech portrait, leader of a new formation, representative familiar colloquial speech culture.

УДК 811

Ю. В. Кондакова

ЕКАТЕРИНБУРГ КАК ВЧЕРАШНИЙ СВЕРДЛОВСК, СВЕРДЛОВСК КАК БУДУЩИЙ ЕКАТЕРИНБУРГ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ КОНТУРОВ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

Аннотация

Глобальный ренейминг улиц и архитектурных объектов Екатеринбурга-Свердловска-Екатеринбурга имеет «кольцевой» характер. Обилие политизированных названий в советском прошлом вызывает желание вернуться к ономастическим принципам прошлого. Екатеринбург нуждается в новых названиях объектов городской среды, которые могли бы цементировать единый образ столицы Урала.

Ключевые слова: PR, нейминг, проектирование, архитектура.

Екатеринбург — Свердловск — Екатеринбург... Судьба нашего города — лихая ономастическая петля. Что изменилось с переменой имени города? Изменились контуры его ономастического пространства, причем эти перемены осуществлялись дважды: глобальный ренейминг улиц и архитектурных объектов Екатеринбурга — Свердловска — Екатеринбурга имеет «кольцевой» характер.

Имя, которое является эмоционально-чувственной составляющей архитектуры, привносит в облик города новое качество формы, реализует возможности городской среды на основе современной эстетики. «Город порождает множество названий, которые выполняют для нас роль своеобразных ориентиров, помогают отличить один объект от другого, привязывают в нашем сознании реальное пространство города к системе условных знаков, понятных и удобных

всем его обитателям» [1, с. 3]. Так сложилось, что роль наименований архитектурных объектов долгое время была несколько снижена, их было принято рассматривать как нечто второстепенное. Однако теперь наименования городских объектов начинают входить в зону пристального научного внимания.

Замечательно, что на ряде зданий современного Екатеринбурга устанавливаются таблички с магнитными QR-кодами: достаточно поднести сотовый телефон со специальным приложением к такой табличке, расположенной на фасаде здания, чтобы легко перейти на соответствующий сайт, выдающий всю необходимую информацию об истории архитектурного объекта. Тем не менее QR-кодами отмечены далеко не все значимые исторические здания города, да и считывающими устройствами обладают немногие горожане и гости города. В этом случае минимальными средствами информирования о специфике объекта будет соответствующий, грамотно подобранный нейм. Один из самых шокирующих проектов современного Екатеринбурга — созданное в рамках «Ночи музеев» в 2012 г. кладбище памятников архитектуры «Город, которого нет», где в овалах на надгробных памятниках вместо фотографий умерших людей — фотографии, стертых с лица земли домов нашего города, даты «рождения» и «смерти» и, конечно, их имена. От архитектурного объекта иногда остается только имя.

Разработку системы ярких неймов можно определить как художественное проектирование гармоничных «приархитектурных» компонентов городского пространства, способствующих укреплению системы сохранения ценностей градостроительной культуры. Как показывает в своих исследованиях пространственных образов старого Екатеринбурга М. В. Голомидова, «с усложнением устройства и функций города потребность в индивидуализирующих обозначениях резко возрастает» [2]. Это замечание абсолютно справедливо не только в отношении образа Екатеринбурга XIX — начала XX в., но и по отношению к ономастическому портрету Екатеринбурга начала XXI в., в частности, когда речь заходит о персональных наименованиях жилых комплексов. Тенденция

давать персональные имена для домов имела место в России еще до революции. Наименования зданий давались по именам владельцев. Так, в Екатеринбурге такие выдающиеся памятники архитектуры, как дом Железнова, дом Севастьянова, усадьба Расторгуева-Харитонова и др., и по сей день прославляют имена своих бывших хозяев. Подобные ей мы отражали высокий социальный статус жильцов. В истории архитектуры существовали и такие названия, как замок Ричарда (Москва), вилла Вера (Сочи). В дальнейшем оригинальные, громкие имена домов позволяли проживающим в них символически приобщиться к высокому статусу известности.

В советские времена также имелись собственные имена домов, которые были связаны или с характером местоположения — например, Дом на набережной (г. Москва), или с контингентом жильцов — к примеру, московский Дом композиторов. Порой подобные наименования носили неофициальный характер, так как индивидуализация в той или иной форме в то время не приветствовалась. Тем не менее все жители Сочи еще с советских времен знали, где находится жилищный комплекс Гармошка или Поцелуевский магазин, также как в Ленинграде — Дом академиков или Дом Кирова.

Многие имена архитектурных объектов были даны в честь какого-либо значимого лица. Названия домов, создававшихся по нескольким типовым проектам в СССР, в настоящее время стали едва ли не нарицательными: «сталинки» (сооружались при правлении И. В. Сталина, точнее, с конца 1930-х до середины 1950-х гг.), «хрущевки» (строились преимущественно в 1960–1970-х гг. по серийному проекту времен Н. С. Хрущева), «брежневки» (усовершенствованные «хрущевки», строились в 1970-е гг. в эпоху застоя, связанную с руководством Л. И. Брежнева).

В наши дни «имя дома» является признаком жилья с особой аурой, историей, культурой, представляется своеобразным знаком престижа, комфорта, хотя и рассматривается в столице Урала пока скорее некоторым изыском, чем нормой. Респектабельные новостройки обретают большую ценность прежде всего

благодаря удачному наименованию. В настоящее время в Москве и Санкт-Петербурге давняя тенденция «именных домов» заявляет о себе с завидным постоянством: являясь важным средством коммуникации с потребителями, подчеркивая достоинства именуемого объекта, выделяя его на фоне иных предложений, нейминг становится неотъемлемым элементом маркетинговых стратегий целого ряда крупных строительных компаний. Респектабельные новостройки обретают большую ценность прежде всего благодаря удачному наименованию. Многие специалисты рынка недвижимости утверждают, что интересное, благозвучное имя, отражающее концепцию застройки, намного повышает шансы ее реализации. Персональное имя архитектурного объекта подчеркивает статус успешности владельца, а также создателя, является имиджевым инструментом, делающим застройщиков более узнаваемыми среди клиентов.

Дома с собственным именем приобретают популярность и узнаваемость, даруют своим владельцам ощущение большей основательности и надежности. Наименование преображает строение: изысканная красота имени способна сделать его классическим или экстравагантным. Одним из перспективных направлений отечественного нейминга в наши дни является конструирование красивых и звучных, неповторимых и броских, запоминающихся и символически насыщенных наименований жилых комплексов.

Можно выделить 3 главных принципа создания модных в Екатеринбурге неймов ЖК:

1. Географический принцип (Новый Уктус, Маяковский парк, Академический, Библиотечный, Луганский, Пионерский, Щербакова, Нововолгоградский, На Алтайской и др.).
2. Исторический принцип (Петр I, Татищевский, де Геннин, Романов, Демидовский и др.).

3. Экологический принцип (Соловьи, Иволга, Ясная Поляна, Солнечный, Тихие Зори, Зеленый Мыс, Полесье, Высокий берег, Тихий Берег, Радужный, Березовая Роща и др.).

Современные критики по-разному оценивают эстетические качества современной архитектуры, в одном все приходят к единому мнению: мир вещей сменяется миром образов, форм, концепций. Исследование мира показывает, что «человек живет отныне не только в физическом, но и в символическом универсуме» [3, с. 378], неудивительно, что самое простое ономастическое решение нередко оказывается единственно верным. Простые неймы удобны в использовании, но еще лучше, если они будут подлинным украшением атмосферы городской среды. Таким образом, одним из определяющих факторов продуктивного имени архитектурного объекта выступает краткость, сочетающаяся с емкостью, как выражение динамики современного мира. Оптимальный нейм — ритмично произносимый и воспринимающийся на слух, а также легко запоминающийся — способен создавать информационную ауру архитектурного объекта, доступную для восприятия потенциального представителя его целевой аудитории.

Одним из определяющих факторов продуктивного имени архитектурного объекта выступает емкость. Так, екатеринбургский ЖК DeLuxe некогда сменил свое довольно безликое название на запоминающийся нейм *Февральская революция*. Звучный урбаноним, с одной стороны, дает прямую адресную отсылку (небоскреб находится на улице Февральской Революции), с другой стороны, относится к ряду ярких «исторических» неймов (кроме того, прослеживается параллель между одним из крупных событий в истории страны и 42-этажным зданием, относящимся к крупнейшим в городе). Особо отметим, что в этом случае позитивный нейм заменен на драматический (в результате Февральской революции 1917 г. в России был свергнут император).

Случай с переименованием DeLuxe в Февральскую революцию показателен еще и с той точки зрения, что среди современных неймов ЖК резко сократился процент «иностранных» наименований. В прошлом остается не только москов-

ская мода на иностранные наименования ЖК (Ботаник-тауэрс, Галс-тауэр, MilleniumTower, Яппи-таун и др.), появляются неймы, представляющие собой сочетания иноязычных элементов с русскими словами (Small Москва, Агаларов Хаус и пр.). Названия такого рода привлекательны в основном для молодежной аудитории, активно использующей в обиходе английскую речь, любящей ироничные лингвистические эксперименты (ЖК Подушкино-таун, Шато-Лужки, Чулково Club и др.)

Мода на иностранные неймы почти не затронула Екатеринбург — в пору расцвета нейминга на Урале онимы такого рода были уже не вполне актуальны. Впрочем, они также имеют место (Бажовский Премиум, Олимпик Плаза, Атриум), но представлены не так активно, как в Москве, где данная тенденция уже своего рода раритет, скорее, дань моде 90-х гг. К сожалению, в это время не столько активизация связей с зарубежными партнерами, сколько падение общего уровня отечественной культуры и пренебрежение к ней заставляло многих людей таким образом «смотреть на Запад». Обильное использование в своей речи иностранных слов, по их представлениям, видимо, делало их более продвинутыми и прогрессивными. Кроме того, именно в 90-е гг. сформировался стереотип, что лучшее качество услуг предоставляется организациями с участием иностранного капитала. Однако качественный нейм должен быть легко произносимым и понимаемым, а ставка на тотальное знание населением английского языка далеко не всегда себя оправдывает. Далеко не единичен пример московского ЖК PrimaVera (в переводе — «весна»), название, которое большинством клиентов воспринималось как имя собственное («прима Вера»). Идентичный пример — ЖК Твин Пикс (СПб), представляющий собой две башни (twinpeaks — от англ. «две горы»). Однако массовая аудитория воспринимала нейм через призму названия одноименного фильма, где Твин Пикс — город с мистико-зловещим ореолом.

Удачное название архитектурного объекта — нечто, позволяющее архитектуре выйти за пределы собственных границ и удерживать свое «тело» в свобод-

ном парении. Качественный нейм не просто заслуживает звание корифея, но не сдает своих позиций и спустя годы, олицетворяя безупречность, комфорт и уют, яркость и оригинальность, способствуя развитию и совершенствованию качеств городской среды. Тенденция давать имена в честь каких-либо знаковых персонажей эпохи, значимые онимы позволяет мифологизировать универсум, создавать свой вариант бытия: жить в настоящем, ориентироваться на будущее, не забывая о прошлом.

Для культуры современной России характерно возвращение старых наименований: «На смену переименованиям советской эпохи сейчас пришли переименования: Петербург вместо Ленинграда, Екатеринбург вместо Свердловска, Воздвиженка вместо Метростроевской» [4, с. 103]. Сейчас мода на старинные названия, что отразилось и в екатеринбургских неймах: «ЖК Крыловъ», «Клубный дом Тихвинъ», «ЖК Аристократъ» (ср. московские «ЖК ГрандЪ-Парк», «ПетровъДомъ», и др.).

Основной принцип именования архитектурных объектов в городах, переживших такой исторический виток, подобно Екатеринбург-Свердловску, имеет сходный характер. Так, дореволюционные наименования, в которых «оттенок именуемого смысла можно коротко сформулировать лозунгом “Да здравствует частная жизнь!” — с ее познавательными интересами (магазин Мир), вкусовыми пристрастиями (магазин “Парижский шик”), эстетическими запросами (кинематограф “Художественный”), модными формами досуга магазин “Спорт”» [5] сменяется советскими урбанонимами с противоположной смысловой модальностью. Частная жизнь в них подлежит строжайшему запрету, а на первый план выходит социальное маркирование: Городок чекистов, Дом Госпромурала, Дом колхозника, Дом специалистов, Дом старых большевиков и др. Тенденция именования объектов современного Екатеринбурга предполагает возвращение к дореволюционным истокам, что позволяет ощутить связь с прошлым, завязать с ним своеобразный ономастический диалог.

Тенденции «исторического» глобального ренейминга архитектурных объектов сопоставимы с «пере-переименованием» улиц Свердловска-Екатеринбурга. Из наименований улиц дореволюционного города в городе советском остались и до нас дошли лишь немногие. Из 110 наименований улиц, бывших в городе к 1917 г., были изменены 100. Многие улицы подверглись переименованию по сугубо идеологическому принципу. Так, Гимназическая набережная превратилась в набережную Рабочей Молодежи, улица Златоустовская — в улицу Розы Люксембург, Крестовоздвиженская — в улицу Карла Маркса и т. д. Среди идеологизированных наименований улиц следует вспомнить такие, как Красноармейская, Старых Большевиков, III Интернационала, Уральских Коммунаров и т. д. Дальнейшие «залпы» переименований улиц были в 1937 г. (в связи с массовыми репрессиями) и в 1960 г. (в связи с разоблачением культа личности Сталина). Однако в постсоветский период произошел новый виток переименований: улицам стали возвращаться прежние, дореволюционные названия: например, 3-я Ключевская — Лассаля (1921 г.) — Ермакова (1960 г.) — Ключевская (в наст. время); 2-я Мельковская — Анри Марти (1937 г.) — Жданова (1960 г.) — Мельковская (в наст. время) и т. д.

Обилие политизированных названий в советском прошлом вызывает желание вернуться к ономастическим принципам прошлого: в дореволюционном Екатеринбурге было большое количество простых, незамысловатых названий: Березовская (в Свердловске была переименована в ул. Короленко), Дубровинская (Чернышевского), Загородная (Фрунзе) и др. Возвращение к дореволюционной ономастической тенденции можно наблюдать, исследуя наименования современных екатеринбургских улиц, которые появились совсем недавно: Сапфировая, Яхонтовая, Дубравная, Сорочинская и др. (скоро появятся ул. Плодовая, Успешная, Посевная, Дымковская, Соломенная, Лавандовая, Сенная, Пионовая, Ракитовая и Нектарная, переулки Хлопковый и Ситцевый, Туманный, Закатный, Корневой, Морозный, Крокусовый, Георгиновский, Барбарисовый и др.).

В наши дни также наметилась тенденция именовать дома, жилые комплексы в честь благородных фамилий, лучших представителей дворянских семей (например, ЖК «Раевский», «Шуваловский», «Разумовский», «Граф Орлов»), что стало отражением стремления к сохранению преемственности, причастности к историческому наследию. Любопытно, что последствием моды на старинные наименования стала череда «псевдораритетных» неймов (например, екатеринбургские ЖК: «Европейский», «Афина», «Кольцо Екатерины», «Адмиральский», «Премьер» и др.). Они выделяются на фоне обыкновенных названий своей нетривиальностью, зачастую пафосностью. Парадоксальный «инновационный раритет» создается сегодня как приспособление культурной традиции к новым жизненным обстоятельствам и новым стереотипам восприятия. Пафосное, торжественное название дома словно распространяется на его жильцов, свидетельствуя об их высоком статусе.

Вместе с тем чересчур экстравагантные, броские неймы сами по себе способны вызывать отторжение, раздражая своей пафосностью. На их фоне особенно привлекательно выглядят нестандартные, креативные неймы, представляющие собою «названия-цитаты» и «цитаты-трансформеры». Такого рода неймы (Солнечный круг, Огни Екатеринбурга, Три Капитана и т. д.) используются в Екатеринбурге в качестве урбанонимов не так часто, но все же составляют весьма любопытную тенденцию. Они вызывают положительные эмоции благодаря позитивному ностальгическому отношению целевой аудитории к цитируемому источнику. Таким образом, подобные литературные неймы способствуют созданию из архитектурных объектов материальных воплощений ностальгии.

Ономастические контуры, координаты архитектурного пространства приобретают особую важность в сознании человека в связи с тем, что окружающий его мир постоянно меняется. Наряду с масштабными проектами Екатеринбург нуждается в новых названиях объектов городской среды, которые могли бы цементировать единый образ столицы Урала.

Библиографический список

1. *Разумов Р. В.* Система урбанонимов русского провинциального города конца XVIII—XX веков : на примере Костромы, Рыбинска и Ярославля : дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2003. 293 с.
2. *Голомидова М. В.* Образ пространства и пространственные образы в названиях старого Екатеринбурга. [Электронный ресурс] // Известия Урал. гос. ун-та. 2001. № 20 (вып. 4). URL: [http://proceedings.usu.ru/proceedings/?base=mag/0020\(01_04\)](http://proceedings.usu.ru/proceedings/?base=mag/0020(01_04)) (дата обращения: 12.05.2013).
3. *Мартынов Ф. Т.* Философия, эстетика, архитектура. Екатеринбург: Архитектон, 1998. 354 с.
4. *Тер-Минасова С.* Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
5. «Именитые» новостройки: западное название и местные проблемы [Электронный ресурс] // URL: <http://www.bn.ru/articles/2013/02/14/101603.html> (дата обращения: 24.05.2013).

Ylia V. Kondakova

YEKATERINBURG AS A YEATERDAY SVERDLOVSK, SVERDLOVSK AS A FUTURE YEKATERINBURG: TRANSFORMATION OF ONOMASTIC CONTOURS OF URBAN ENVIRONMENT

Abstract

Global renaming of streets and architectural objects of Yekaterinburg-Sverdlovsk-Yekaterinburg has a circular nature. The abundance of politicized names in the Soviet past is a desire to return to the onomastic past. Yekaterinburg needs new names of the objects of the urban environment, which could secure a unified image of the capital of Ural.

Keywords: PR, naming, design, architecture.